

Борис Цилевич: «Россия уничтожила систему защиты меньшинств Совета Европы»

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ T-INVARIANT, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА T-INVARIANT. 18+

Борис Цилевич десятилетиями защищал права меньшинств в ПАСЕ, стал первым главой подкомитета по этой теме и в 2023 году добился в Конституционном суде Латвии права на русскоязычное высшее образование в частных вузах. Сегодня он считает, что эпоха прав меньшинств окончательно исчерпала себя. В интервью T-invariant Цилевич рассказывает, как фактор безопасности разрушил систему защиты меньшинств Совета Европы, почему «довольные» меньшинства всё равно склонны к сепаратизму и как на смену мультикультурализму пришли принципы DEI.

СПРАВКА T-INVARIANT

Борис Цилевич

Латвийский политик и правозащитник, член партии «Согласие». В 1978 году окончил Латвийский государственный университет (ЛатвГУ) и поступил в аспирантуру по специальности «Теоретическая и математическая физика» (окончил в 1981-м). С 1988 по 1991 гг. — научный сотрудник Института математики и информатики ЛатвГУ. Автор более 30 научных статей по применению математического моделирования в различных областях, в том числе в образовании. В конце 1980-х гг. — активист [Народного фронта Латвии](#). Участвовал в создании первых правозащитных групп в Латвии. В 1996–1998 гг. — член Консультативного совета по национальным меньшинствам при президенте Латвии. С 1998 по 2022 год избирался депутатом Сейма. С 1999 по 2023 год — активный член ПАСЕ, автор более 30 докладов, на основе которых приняты резолюции и рекомендации ПАСЕ. В 2005–2007 гг. — первый председатель Подкомитета по правам меньшинств. Параллельно с работой депутата продолжал участвовать в международных правозащитных проектах.

Меньшинства: от религии к национальности

T-invariant: *Что такое меньшинство? Есть ли четкое определение этого термина?*

Борис Цилевич: В международном праве некоторые базовые понятия четких определений не имеют. Впервые идея специальной защиты для людей, которые арифметически представляли собой меньшинство в своих обществах и отличались от большинства по какому-то важному признаку, возникла в Средние века, когда основным признаком идентичности была религия, и Европу раздирали религиозные войны – между представителями различными ветвей христианства. Например, в 1598 году Генрих Наваррский принял Нантский эдикт, практически на сто лет запретив преследование гугенотов на территории Франции. Но чаще монарх, заботясь о благополучии своих единоверцев на территории сопредельного государства, договаривался с его властителем об их защите, и их права закреплялись в мирном договоре. Так, в 1606 году в Вене [был заключен](#) договор между Габсбургами и принцем Трансильвании (Трансильвания получила автономию, в свою очередь, венграм были предоставлены такие же конституционные и религиозные права и привилегии, как в Венгрии, на венгерских кальвинистов и лютеран распространилась религиозная терпимость. — *T-Invariant*). Впоследствии нормы о защите меньшинств включались практически во все мирные договоры вплоть до Венского конгресса (1814–1815 годы). Четкая граница между светской и церковной властью была проведена только после принятия Вестфальского мира, после кровавой Тридцатилетней войны. Были установлены первые принципы международного права, которые в силе до сих пор, и главное из них — идея национального суверенитета: государство обладает всей полнотой власти на своей территории.

Франс Пурбус Младший. Портрет Генриха Наваррского. Изображение: Public Domain

В XIX веке секуляризация, начатая Великой Французской революцией, стала распространяться по Европе. Идея равенства, которую возвели на пьедестал французские просветители, различий не подразумевала. С одной стороны, революционеры боролись с сословностью, с другой — с религией. Оказалось, что люди во Франции говорят на разных языках, и в этом тоже видели препятствие на пути к полному равенству.

Есть известная цитата из речи одного из лидеров республиканцев Бертрана Барера перед Конвентом: «Голос федерализма и суеверий говорит на бретонском языке». Тогда Франция провозгласила республиканскую модель, которой придерживается до сих пор. В ней вообще не признаются меньшинства, поскольку это само по себе уже подрывает идею равенства. Но даже более чем двухсотлетние последовательные усилия по искоренению языковых различий успехом не увенчались. До сих пор люди говорят на бретонском, корсиканском, эльзасском и других наречиях.

В XIX веке наряду с религиозными появились национальные / этнические / языковые меньшинства. К примеру, после разгрома Наполеона, когда страны-победители договаривались о послевоенном устройстве Европы, государство Польша не было создано. Но, тем не менее, в документах Венского конгресса предусматривались определенные гарантии для польских меньшинств на территории тех государств, которые получили куски территории, на которой те проживали. Следующий большой этап наступил после Первой мировой войны в эпоху Лиги наций. Тут уже существование недовольных меньшинств рассматривалось как возможная причина конфликта. Была создана целая система многосторонних и двусторонних договоров, в которых прописывались отдельные нормы о защите конкретных меньшинств. Кроме того, ряд государств, включая страны Балтии, приняли односторонние декларации о защите крупнейших меньшинств — выполняя неформальное условие их принятия в Лигу наций. Был создан важный механизм индивидуальных петиций. Меньшинства могли обращаться в соответствующие органы Лиги наций с жалобами на нарушение прав, которые выглядели вполне современно: запрет дискриминации, доступ к гражданству, допущение использования языка, разрешение на создание собственных культурных, образовательных и религиозных институций, невмешательство государств в их работу. Если не удавалось найти политическое решение проблемы, эти петиции передавались в суд при Лиге наций — Постоянную палату международного правосудия. И на некоторые его решения до сих пор ссылаются в политических дискуссиях и даже в судебных решениях. Например, в одном из дел государство утверждало, что данного меньшинства на его территории просто нет. И суд заявил, что существование меньшинства — вопрос факта, а не закона, и его непризнание не освобождает государство от необходимости соблюдать и уважать его права.

Но любая палка о двух концах. Когда Гитлер нацелился на Судеты, в качестве основания агрессии он выдвинул именно необходимость защиты там немецкого меньшинства. Сама идея была настолько дискредитирована, что через несколько лет, после Второй мировой войны, когда была распущена Лига наций и создана ООН, о правах меньшинств там никто говорить не хотел. Впрочем, в 1948 году была принята специальная резолюция Генеральной ассамблеи о важности этого вопроса. При Комиссии по правам человека была создана Подкомиссия по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, и ей было поручено разработать определение. Она работала в 50-е и 60-е годы, предложила три разных варианта, но все они были отвергнуты. Спецдокладчик Франческо Капоторти в обширном

исследовании [обобщил](#) все судебные решения и договоры и предложил свое определение меньшинства, которое и сегодня является рабочим.

Постепенно в документах ООН все же стали появляться ссылки на меньшинства. За это время были приняты важные конвенции, которые их, хоть и неявно, но защищают: о запрете геноцида (1948 год), о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 год). Но впервые непосредственные нормы о правах меньшинств появились в [Пакте о гражданских и политических правах](#) в 1966 году. В нем есть 27 статья, в которой очень осторожно сформулировано, что в тех государствах, где есть меньшинства, им нельзя отказать в праве пользоваться своим языком, сохранять идентичность и так далее. Это т.н. негативные права, никаких позитивных обязательств государства на себя не брали. В 1992 году ООН, наконец, приняла [Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам](#).

T-i: *А каково определение Капоторти?*

БЦ: Численность менее 50% (с другой стороны, должна быть и какая-то минимальная численность — здесь абсолютных границ нет, все зависит от ситуации и здравого смысла); отличная от других идентичность, выражающаяся в языке, религии, обычаях, традициях. Это объективные критерии. Есть еще важный субъективный критерий: эти группы должны обладать стремлением сохранить свою особую идентичность и отчетливо об этом заявить. То есть, права меньшинств — такие права, которые должны быть востребованы. В противоположность, например, запрету пыток — это абсолютное право, людей не спрашивают, не возражают ли они против того, чтобы их пытали. А вот, например, возможность обращаться в органы самоуправления на языке меньшинств — вопрос выбора, и зачастую для отказа такое право актуализировать есть веские основания.

T-i: *Почему определение не было принято?*

БЦ: По нескольким пунктам (в отличие от перечисленных) не был найден консенсус. В первую очередь, о связи этих групп с территорией. Большинство государств считает, что на статус меньшинства могут претендовать только их граждане. Многие добавляют, что необходима «устойчивая и долговременная связь с территорией» — то есть, нужно доказать, что ты «коренной житель». Другие возражают против такого подхода. Так, Комитет по правам человека ООН еще в 1994 году принял общий комментарий о том, что права меньшинств, предусмотренные документами ООН, никак нельзя ограничивать: временные рабочие, даже туристы могут на них претендовать. Это понятно, ведь в ООН много государств третьего мира, старающихся отстаивать интересы недавних иммигрантов, покинувших родину в постколониальный период. Европейский подход отличается существенно. Большинство европейских государств считают меньшинствами группы, которые живут на их территориях очень давно, а некоторые даже пытаются установить количественные критерии, например, Польша и Венгрия требуют не менее ста лет. Выгодно на этом фоне выделяется Великобритания (бывшая колониальная держава с большим разнообразием населения), которая занимает последовательно открытую позицию и считает эти критерии дискриминационными. А Франция и Турция вообще отрицают существование меньшинств, считают эту концепцию вредной и голосуют против любого определения.

После падения железного занавеса в бывшем социалистическом лагере вспыхнули кровавые этнические конфликты. И оказалось, что для их урегулирования нет никакой базы. Поэтому в 1990 году ОБСЕ — организация, которая занимается не правами человека, а международным

сотрудничеством и безопасностью, — приняла так называемый [Копенгагенский документ](#). Это не юридически обязывающая конвенция, а политическая декларация, но в ней права меньшинств сформулированы четко: право на свободную самоидентификацию, пользование родным языком приватно и публично, право исповедовать свою религию, создавать неправительственные организации. Об определении снова договориться не удалось. Поэтому ОБСЕ, организация чисто дипломатическая, пошла по инструментальному пути, создав институт Верховного комиссара по делам меньшинств. [Макс ван дер Стул](#), первым занявший эту должность, любил повторять, что он комиссар «по делам меньшинств, а не для меньшинств», то есть, его задача не представлять их, а предупреждать конфликты. Мне много пришлось общаться с ван дер Стулом и со всеми его преемниками. Это чисто практическая институция, которая старалась отслеживать ситуацию, реагировать на потенциальные угрозы, собирала информацию, в некоторых странах размещала постоянные миссии. В Латвии и Эстонии они тоже были. Когда ван дер Стула спрашивали, мол, как вы работаете без определения, он отвечал: «Когда я встречаю меньшинство, я его узнаю».

Макс ван дер Стул. Фото: Historisch Nieuwsblad

В 1995 году Совет Европы принял [Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств](#), трансформировав политические установки Копенгагенского документа в юридические нормы. Опять были огромные дебаты по поводу определения, и еще много лет спустя, в 2003 году, мне довелось в них поучаствовать в качестве докладчика СЕ. И снова договориться не удалось. Поэтому сегодня критерии Капоторти в силе, со временем к ним добавились еще некоторые, например, положение меньшинства не должно быть доминирующим, как еще недавно у африканеров в ЮАР или алавитов в Сирии. Остальное зависит от государства. Оно, если считает нужным, перечисляет группы, которые признает меньшинствами, в специальной декларации, которую принимает при ратификации Рамочной конвенции. Например, Германия признает сорбов, фризов, датчан (в Шлезвиг-Гольштейне) и синти. Евреи считаются религиозным меньшинством. В Дании признают только немцев, и то только в Южной Ютландии. Люксембург заявил, что на его территории меньшинств нет, но он подпишет конвенцию из солидарности.

T-i: А Франция?

БЦ: Даже не подписала, как и еще три европейских государства — Турция, Монако и Андорра. Бельгия, Греция, Исландия и Люксембург подписали, но не ратифицировали. Греция — вообще тяжелый случай. Лозаннский мирный договор, заключенный после Первой мировой, до сих пор определяет права единственного в стране «мусульманского меньшинства» в Западной Фракии. Сами эти люди называют себя турками. Есть решения Европейского суда по правам человека о том, что Греция не вправе отказывать в регистрации неправительственным организациям на том основании, что они называют себя турецкими.

Я как докладчик СЕ бывал в тех местах, а также во Флорине, номе Греции в Западной Македонии, где видел единственную в стране надпись на македонском языке. Долгое время дискриминация даже была закреплена законодательно: гражданина Греции в случае длительного отсутствия можно было лишиться гражданства, если он не этнический грек. Статью отменили, но процесс восстановления людей, в основном, турок и македонцев, в гражданстве до сих пор идет.

На сегодняшний день общая позиция Консультативного комитета и Парламентской ассамблеи заключается в том, что государства имеют определенную свободу действий, кого признавать меньшинствами на своей территории, но этот выбор не может быть абсолютно произвольным.

Довольное или разозлённое?

T-i: *Нет ли противоречия в том, что права групп защищают институции, созданные для защиты индивидуальных прав человека?*

БЦ: Права меньшинств — это не групповые права, это права конкретных индивидов. Правда, во многих случаях их можно реализовать только совместно с другими индивидами. Да, некоторые говорят, что есть некие права человека, а есть дополнительные права меньшинств. Это такое правовое плоскоземельство, с которым я пытаюсь бороться. Нет противоречия. Первая статья Рамочной конвенции провозглашает, что права меньшинств — неотъемлемая составная часть фундаментальных прав человека. Это право на защиту от дискриминации и сохранение своей культурной идентичности, которое есть у всех, но меньшинства встречаются с особыми сложностями в его реализации. Что же касается институций — ну, нет таких специальных для меньшинств. Есть некоторые судебные и квазисудебные механизмы. Если государство подписало факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах, то лица, которые находятся в его юрисдикции, могут подать индивидуальную жалобу в Комитет ООН по правам человека. Тот даст свою оценку, выразит мнение (views), оно не является юридически обязывающим, но государство обязано дать мотивированный ответ в определенный срок.

Например, интересно латвийское [дело Игнатане](#) (2001 год) о том, можно ли от кандидата на муниципальных или парламентских выборах требовать владения официальным языком и не разрешить баллотироваться, если он им недостаточно владеет. Комитет счел это ограничением фундаментального права избирать и быть избранным. Благодаря этому, а затем еще одному подобному решению Европейского суда по правам человека. из латвийского законодательства

была исключена норма, согласно которой кандидата можно не допустить к выборам, если языковой инспектор оценил его знания как неудовлетворительные.

Решения Европейского суда в Страсбурге имеют еще больший вес. При вступлении в Совет Европы государство ратифицирует Европейскую конвенцию по правам человека и официально берет на себя обязательство соблюдать эти решения. Но в этой конвенции практически нет норм о защите меньшинств. Единственно, в статье 14-й, а также в [дополнительном протоколе](#) к конвенции есть запрет дискриминации на основании принадлежности к меньшинству. Но в более широком смысле право на собственную идентичность имеет отношение и к другим статьям. Например, суд прямо сказал, что принцип свободы слова относится не только к содержанию передаваемой информации и идей, но и к форме передачи, включая язык. То есть, запрет использования языков без достаточных на то оснований — нарушение свободы слова.

В 2005 году в Турции политиков курдского происхождения [приговорили](#) к тюремным срокам за предвыборную агитацию на курдском. ЕСПЧ признал это нарушением свободы слова и вторжением государства в частную сферу. Аналогичное решение суд в позапрошлом году суд [вынес](#) в болгарском деле, где заявитель, лидер фактически турецкой партии «Движение за права и свободы» (ДПС), был оштрафован за агитацию на родном языке. В Болгарии запрещены этнические партии, а ДПС — ведущая либеральная партия так же, как, например, Шведская народная партия в Финляндии.

Однако Европейский суд рассматривает не норму как таковую, а конкретную ситуацию. Если в одной ситуации он найдет нарушение, то в другой, похожей, это может оказаться не нарушением. Не так давно частичный запрет на агитацию на русском [ввели](#) и в Латвии. Иск в ЕСПЧ [подан](#). Но идет война, русский является языком не только местного меньшинства, но и соседнего государства-агрессора, и этот фактор может повлиять на решение.

Т-і: *В Латвии русские — меньшинство? А в Германии?*

БЦ: Юридически русские признаны меньшинством в Латвии. Некоторые националистически настроенные политики говорят, что нет, мол, вы сюда приехали на советских танках, — но это ерунда. Понятно, что русские здесь жили еще когда эта территория была частью Российской империи. И исключение русских из числа меньшинств было бы явно дискриминационным. Да, значительную часть русской общины составляют люди, которые приехали сюда после 1945 года. Отношение к иммигрантам обоснованно отличается: если человек сознательно въезжает в страну, он, как правило, знает и принимает правила игры. Но в Европе, особенно восточной, люди часто перемещались не потому, что они этого хотели: они бежали от войны, от голода, геноцида, насильственных депортаций. А приехавшие в Латвию переезжали в границах де-факто одной большой страны. Можно их в этом упрекать, но безосновательно требовать от людей, которые по комсомольскому призыву отправлялись строить завод, осознания, что Латвия была незаконно оккупирована и предвидения, что ее независимость будет восстановлена. Это не соответствует общим принципам гуманизма, и мы не можем указать конкретный международный документ, который эту ситуацию регулировал. Но мы знаем, что при регистрации жителей в 1991 году более 40% русских были зарегистрированы в качестве граждан. То есть, почти половина комьюнити — так называемые старые русские. Да и большинство неграждан здесь живут во втором и третьем поколении — этого вполне достаточно, чтобы считать их своими. Поэтому отказ в признании их меньшинством имеет, скорее, риторически-политический характер.

T-i: Профессор [Димитрий Коченов](#) на [примере](#) негативных решений о дискриминации пенсионеров-неграждан и о запрете публичного и частного билингвального (русского) образования заключил, что ЕСПЧ склонен к оправданию дискриминационного обращения с русскоязычными в Латвии, потому что это непопулярное меньшинство.

БЦ: Я отчасти могу согласиться с профессором Коченовым. Но закон — это отражение определенных этических взглядов и норм, существующих в обществе. К сожалению, гуманный подход, который был характерен для начала 1990-х годов, периода бурного развития прав человека вообще и меньшинств в частности, сходит на нет, и аналогия с межвоенной эпохой XX века напрашивается сама собой. Россия в значительной мере уничтожила систему защиты меньшинств Совета Европы, потому что возник фактор безопасности.

T-i: То есть, меньшинство теперь воспринимается по определению как разозленное?

БЦ: Нет, оказалось, что даже если оно довольно, это еще ничего не гарантирует. Кризис европейской системы защиты меньшинств — важная тема, я посвятил ей свою последнюю статью, которая в прошлом году вышла в сборнике, изданном британским издательством Routledge. Я пишу, что, помимо всего прочего, сами меньшинства не приняли тот компромисс, который им был предложен. Даже в тех государствах, где им были предоставлены очень широкие права, они все равно не отказались от претензий на собственную государственность, от сепаратизма, требований автономии и так далее. Более того, использовали существующую автономию для попыток отделиться. И, по сути, все успешные попытки сепаратизма были связаны с какой-то формой автономии. Мы видим примеры в Южной Осетии, Абхазии, Карабахе.

Наверное, один из наиболее цивилизованных, но недвусмысленных примеров — Каталония. Я был докладчиком ПАСЕ по теме наказаний для лидеров каталонских сепаратистов. Такие длительные сроки заключения, которые им дал испанский суд, конечно, совершенно не соответствуют требованиям Европейской конвенции, и в итоге нам удалось добиться их освобождения. Но с другой стороны... Я как докладчик не имел права выражать какую бы то ни было позицию по вопросу статуса Каталонии и последовательно от этого уклонялся. Но как частное лицо, каковым я сейчас являюсь, я считаю, что это абсолютно вредно и убийственно вообще для прав меньшинств. Уж сколько прав и полномочий имели каталонцы на своей земле — больше просто невозможно себе представить! Однако они использовали их, чтобы все-таки пытаться выйти из состава Испании. И это полностью опровергает теорию *A satisfied minority is a good minority*. Я думаю, что права меньшинств как концепция себя исчерпала.

T-i: То есть, позиция Франции оказалась оправданной?

БЦ: Она тоже не очень работает. До сих пор там есть и [бретонцы](#), и [корсиканцы](#), которые применяют вполне силовые методы борьбы. Например, [закрашивают](#) дорожные знаки только на французском, оставляют надписи на бретонском.

Нужно что-то другое, и это, наверное, идея полного и эффективного равенства, *unity in diversity*. Это то, что Европа пытается формулировать пока, в основном, на уровне лозунгов. Хотя в последние два года мы наблюдаем кризис и этого подхода. В концепции DEI (Diversity, Equity, Inclusion) речь идет не о правах меньшинств, а о равенстве возможностей, учете разнообразия. Конечно, разные акторы здесь тоже много действовали по принципу «заставь дурака богу молиться, он себе лоб расшибет». Но в целом я не согласен с теми, кто сейчас политику DEI изображает как злонамеренную глупость. Она очень эффективна. Ее противники часто рассматривают мигрантов как некую однородную массу, которая дружными рядами рвется в

Европу строить исламистское государство, и утверждают, что преступность среди них выше, чем среди коренных жителей. Это мракобесие или целенаправленная пиар-кампания для рационализации ксенофобии.

Конечно, в Германии у коренного жителя Германии [сорба](#), турка, предки которого приехали в 1960-е, и сирийца, приехавшего во время последней войны, могут быть существенные различия. Но общего у них больше. Современный тренд — права меньшинств интегрировать в другие политики, имеющие дело с разнообразием. Наиболее полно он проявляется в Великобритании, где социальная ситуация человека, его политические взгляды, его успешность все меньше коррелируют с его происхождением, цветом кожи, родным языком или религией. Совсем недавно у них одновременно премьер-министром был британец индийского происхождения, лидером Шотландской Национальной партии — палестинского, и мэром Лондона — пакистанского. Эти люди представляют разные партии, придерживаются разных политических взглядов, и никто из них не занял свой пост благодаря своей религии или происхождению.

Слепота к различиям и навязанный выбор

T-i: *А что с мультикультурализмом?*

БЦ: Идея мультикультурализма возникла в Австралии, была заимствована в Канаде, потом распространилась в США и частично в Европе. Не взлетела нигде, кроме Австралии и Канады. Заключается она в распределении благ через культурные общины, которые структурируют общество. Для иммигрантских государств это более или менее адекватно. Ее серьезный недостаток — то, что она провоцирует искусственные идентичности. Для получения доступа к благам ты должен принадлежать к одной из общин, выбрать свою идентичность, тебе, по сути, навязывают выбор.

Возвращаясь к вашему вопросу, являются ли русские меньшинством в Германии, — согласно декларации, принятой при ратификации Рамочной конвенции, нет. Но с точки зрения содействия интеграции — да, это уязвимая группа, с которой нужно работать, которую нужно поддерживать и от которой можно получить пользу.

Весной мы были в Берлине, участвовали в открытом чемпионате «Что? Где? Когда?». В огромном муниципальном здании в хорошем районе целый этаж отведен под всякие русские кружки, проекты, организации. Десятки команд со всей Германии, интеллигентные люди разных профессий, играют в ЧГК на русском языке, получают под это дело разные гранты, поддержку на муниципальном и федеральном уровне. Они занимаются отнюдь не только тем, что вечером собираются, надевают кокошники и поют русские песни. Довольно активно происходят политические дискуссии на русском языке. Русскоязычный депутат Европарламента Сергей Лагодинский активно работает с этой аудиторией.

Это иллюстрирует мою мысль о том, что кого официально признавать меньшинством, а кого нет, сейчас неважно. Мы оставляем в стороне исторические дебаты о том, кого признавать меньшинством, кого нет, вместе со всеми попытками сепаратизма, разговорами о праве наций на самоопределение, которое «мы тоже хотим». У нас есть единое государство и в нем — разные группы с разными культурными потребностями. Государство не должно быть слепым к различиям, должно их уважать и использовать, делать шаги навстречу, оказывать людям с отличающейся идентичностью необходимую поддержку, особенно малозащищенным группам, людям с особыми потребностями, иммигрантам, пожилым людям, особенно в области образования, включая по необходимости использование их языков.

В принципе, предпосылка о соблюдении законов и безусловной лояльности изначально была включена во все документы о правах меньшинств. Однако на словах все хорошо, но, если посмотреть, что происходит на практике... Есть Европейский свободный альянс (European Free Alliance, EFA) — европейская политическая партия, которая называет себя партией меньшинств. Но если посмотреть в их документы, они себя называют партией непредставленных народов, народов без государств, регионалистов, автономистов и националистов. Лидер Русского союза Латвии Татьяна Жданок была в этой партии много лет в Европарламенте (EFA приостановил членство РСЛ в партии из-за «фундаментальных разногласий» относительно вторжения России на Украину в рамках российско-украинской войны, включая голосование Татьяны Жданок против резолюции Европейского парламента в поддержку Украины и осуждающей вторжение. — *T-Invariant*).

Это абсолютно дискредитирует идею меньшинств. Особенно опасно, когда возникает внешний актер, *keen state*, «большая родина», которая пытается ими манипулировать — что, например, делает Венгрия. Все венгерские меньшинства в соседних странах четко построены, у них свои партии, которые замыкаются на [Фидес](#), получают финансирование от Орбана и паспорта венгерского соотечественника. Впрочем, Венгрия при всех своих недостатках военными средствами никуда вторгаться не собирается. Но политические осложнения там большие, и особое отношение Орбана к российской агрессии в Украине во многом определяется многолетней борьбой Венгрии якобы за права и интересы венгров в Западной Украине. Хотя у украинских венгров прав так много, что, наверное, больше только у румынских — а там даже есть университеты с преподаванием на венгерском. Но все равно они Румынию постоянно критикуют.

Митинг Русского союза Латвии в защиту русского языка в латвийском образовании (сентябрь 2022 года). Фото: Sputnik Латвия

Т-і: Раз уж речь зашла об университетах. Когда в Латвии запретили все образование на русском языке, [ваш иск](#) по поводу запрета частного высшего образования на русском [рассматривался](#) в Европейском суде справедливости. Какое в итоге было принято решение?

БЦ: Мы не обращались непосредственно в Европейский суд, это была инициатива Конституционного суда, куда мы подали иск. Тот затребовал оценку у суда в Люксембурге. И решение вообще-то было в нашу пользу. Суд счел, что дополнительные условия ограничивают свободу предпринимательства и противоречат праву Европейского союза. Другое дело, что ведь само по себе ограничение еще мало о чем говорит, важно, пропорциональное ли оно, имеет ли легитимную цель и является ли необходимым в демократическом обществе. А тут суд от таких оценок ушел, заявив, что пропорциональность лучше определит национальный суд, и возвратил дело туда. В результате наш иск был, в основном, удовлетворен.

“

Другое дело, что спроса на образование на русском языке уже просто не было. В свое время, когда платежеспособные молодые ребята из республик бывшего СССР: Центральной Азии, Закавказья, хотели получить европейский диплом, учиться по европейской программе, но английским владели недостаточно, многие частные вузы на этом поднялись. На такое образование был спрос. Но потом русский язык перестал быть нейтральным. В теории, сейчас на основе этих судебных решений можно было бы попытаться снова открыть программы на русском. Но не уверен, будет ли спрос.

По нескольким искам о запрете русского образования в публичных школах Страсбургский суд не пошел навстречу истцам. Но здесь ничего нового аж с 1968 года, когда суд принял решение по так называемому бельгийскому языковому делу: почти полвека назад он признал, что Европейская конвенция не обязывает государства предлагать публичное образование на языке по выбору родителей. Однако меня очень огорчает позиция ЕСПЧ в [деле Джибути](#), где он не нашел нарушений. Тенгиз Джибути судился с Латвией о запрете частного школьного образования на русском. ЕСПЧ вообще очень консервативен и никогда не проявлял особой щедрости в делах меньшинств. Но меня смущает другое: обоснованным было признано ограничение в частной сфере, чего обычно не случается. Таким образом, суд оценил пропорциональность ограничений именно с точки зрения безопасности. Это решение критикуют многие правозащитники. Но тут нужно иметь в виду, что образование — особый бизнес, он имеет очень важное общественное значение, степень контроля и вмешательства со стороны государства гораздо выше, чем в других бизнесах.

Я не думаю, что в деле Джибути проявился особый партикуляристский подход по отношению к русским. Тренд гораздо более серьезный — это изменение отношения к разнообразию, к частной сфере и роли фактора безопасности в целом. Это яркое проявление возвращения в логику безопасности не только прав меньшинств, но и всей сферы прав человека. Суд санкционировал более высокий уровень контроля государства и более широкие возможности его вмешательства в частную сферу ради безопасности. Кому за это сказать спасибо, мы знаем.

Текст: Мария Кугель, 9 февраля 2026